

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФИННО-УГОРСКИХ РЕСПУБЛИКАХ – СУБЪЕКТАХ РФ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И ПРАКТИК (2000–2018)

Бахлов Игорь Владимирович,

*доктор политических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), bahlov@mail.ru*

Бахлова Ольга Владимировна,

*доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), olga.bahlova@gmail.com*

Введение. Особая чувствительность этнонациональной сферы к колебаниям политического курса, повышенная уязвимость для деструктивного воздействия, негативный исторический опыт политизации этничности возводят ее в ранг одного из приоритетных направлений деятельности федеральных и региональных органов. Объект данного исследования – государственная национальная политика Российской Федерации, предмет – процесс и инструменты реализации в финно-угорских республиках в составе РФ с учетом состояния и динамики системы федеративных отношений. Основные задачи – выделение этапов эволюции подходов и управленческих практик; характеристика содержания и ориентиров официальных документов; определение сути и направленности изменений в рассматриваемом ракурсе.

Материалы и методы. Исследование основывается на нормативных и концептуально-программных документах федерального и регионального уровней в сфере государственной национальной политики Российской Федерации, материалах, размещенных на официальных сайтах органов государственной власти финно-угорских республик – субъектов РФ. Главные методы исследования – системный, сравнительный и диахронный анализ, неформализованный традиционный анализ документов, метод политической диагностики.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение комплекса документальных и теоретических источников позволило проследить динамику подходов и практик финно-угорских республик в сфере реализации государственной национальной политики РФ. Внимание фокусировалось на двух этапах – 2000–2012 и 2012–2018 гг., с историческим экскурсом в постсоветский период. Были показаны содержание опыта и корреляция инициатив и действий федерального и регионального уровней, сопоставлены исследовательские оценки, выявлены ключевые тенденции в модификации программно-целевых инструментов.

Заключение. Опыт финно-угорских республик в составе Российской Федерации демонстрирует значительное совпадение с общероссийским трендом на утверждение патриотически-державнического подхода с определенными нюансами, вытекающими из специфики этнодемографической ситуации, ресурсного потенциала регионов и политических элит и в меньшей степени – их пространственного расположения.

Ключевые слова: государственная национальная политика; межнациональные (межэтнические) отношения; программно-целевые инструменты; субъект Российской Федерации; финно-угорские республики; этнокультурное развитие; этносоциальное развитие.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31009 «Профессиональная экспертиза в области государственной национальной и региональной политики и совершенствование механизмов оценки эффективности территориального управления».

Для цитирования: Бахлов И. В., Бахлова О. В. Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в финно-угорских республиках – субъектах РФ: эволюция подходов и практик (2000–2018) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 301–324.

Введение

Отечественный опыт в области государственной национальной политики убеждает в несомненной значимости многоуровневого историко-политического контекста. Долговременной данностью для российской государственности является полиэтничность народов, принимавших деятельное участие в ее формировании и развитии, а ныне образующих многонациональный народ Российской Федерации (РФ). Обострение национального вопроса вкупе с другими факторами часто становилось катализатором системных кризисов, как это было, например, в поздний имперский, поздний советский и постсоветский периоды. Напротив, обоснование теми или иными политическими силами приемлемых вариантов его решения, предполагающих возможность гармоничного сосуществования внутри определенной государственной формы, — залогом стабилизации ситуации и выбора дальнейшего эволюционного пути. Необходимое условие при этом — выработка не только некоей формулы диалога и сотрудничества, ключевых принципов и направлений, но и адекватного инструментария их практического воплощения. В его структуру в Стратегии государственной национальной политики РФ включаются, в частности, документы стратегического планирования и государственные программы¹.

Сошлемся на конституционные предписания, из которых вытекает, что нормативные основы и стратегические ориентиры в рассматриваемой сфере закрепляются на федеральном уровне. Так, согласно ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находятся регулирование и защита прав национальных меньшинств; установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурно-

го и национального развития РФ. В то же время к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72) отнесены, помимо прочего, защита прав национальных меньшинств, а также защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей². Федеральные установления, воплощающиеся не только в Конституции РФ, но и в других законодательных актах, концептуально-стратегических и программных документах, конкретизируются на региональном уровне с учетом этнокультурного и иного своеобразия. Следовательно, речь идет о взаимодополняемости усилий федерального центра и субъектов федерации при неуклонном соблюдении верховенства федерального права.

Возвращаясь к историко-политическому ракурсу, мы можем вспомнить о далеко не безоблачном состоянии дел в политико-правовой и других плоскостях центрально-региональных отношений в постсоветской России. Парад суверенитетов, нигилизм, приватизация многих сфер государственной политики превратились тогда в устойчивые негативные характеристики стратегий позиционирования ряда субъектов. Проявления приверженности названным стратегиям обнаруживались и в сфере национальной политики. Асимметрия федеративного устройства, уходящая корнями в советскую эпоху, привнесла в них дополнительные элементы конфликтности. Между тем сложность состава населения России в целом и абсолютного большинства субъектов РФ при численном преобладании титульных наций лишь в немногих из них подобный сепаратизм объективно отвергает, поскольку противоречит потребностям укрепления территориальной целостности и межнационального согласия. Совокупность указанных обстоятельств побуждает обратить внимание на урегулирование межэтнических отношений в национально-государственных образова-

¹ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (ред. от 06.12.2018). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.9879769173581157#07481949619858583> (дата обращения: 15.07.2019).

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 21.07.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/7faf10d5db4889ccd421abd45b63fd2b43a3dea7/ (дата обращения: 15.07.2019).

ниях – республиках в составе РФ, специфический статус которых на пространстве федерации в политическом смысле сохранился. В их числе можно выделить республики, титульными нациями в которых являются финно-угорские народы, на протяжении столетий выступавшие сотворцами Русского / Российского государства. Соответственно объект данного исследования – государственная национальная политика Российской Федерации, предмет – процесс и инструменты ее реализации в финно-угорских республиках в составе РФ с учетом состояния и динамики системы федеративных отношений. Их анализ предполагает постановку и решение следующих задач: выделение этапов эволюции подходов и управленческих практик в области реализации национальной политики на региональном уровне; характеристика содержания и ориентиров нормативных и концептуально-программных документов финно-угорских республик в сфере реализации государственной национальной политики; определение сути и направленности свершившейся трансформации с позиции общегосударственных интересов, сохранения и развития потенциала народов, населяющих данные республики, а также возможностей самих регионов и их властей. В целом мы попытаемся прояснить ряд взаимосвязанных вопросов: о ключевых тенденциях федеративного строительства, этнополитического развития страны и регионов, о перспективах социально-политического консенсуса в реагировании на имеющиеся и потенциальные риски и вызовы, об эффективности действий органов государственной власти и территориального управления.

Обзор литературы

Непреходящая актуальность этнополитической проблематики в условиях сложного государства определяет ее устойчивую фокусировку в различного рода работах, посвященных как теоретико-концептуальным, так и практическим вопросам. В теоретико-концептуальном ключе для нас представляют интерес, во-первых, рассуждения о невозможности некритической универсализации опыта местных и

иных обществ, их традиций и ценностей [36], во-вторых, изучение особенностей доктринального оформления, институционализации, подходов и категорий в сфере государственной национальной политики или более широко – этнополитики [2; 19]. В этой плоскости внимание авторов обоснованно концентрируется на концепции российской нации и общегражданского патриотизма, институциональных, инфраструктурных и прочих новациях [1; 8].

Совокупность вопросов, возникающих в сфере реализации государственной национальной политики РФ, чрезвычайно обширна. Это ее историко-политический контекст и динамика формирования и воплощения [22; 27; 29], специфика этнонационального развития России и регионов страны в современной политической ситуации в ракурсе неких ограничений [30; 31; 34]. Предпринимаются попытки показать степень преемственности между этапами и целыми эпохами, прогрессивности и эффективности проводимой политики. На этот счет высказываются противоположные суждения: от признания тесной связи и преемственности концептуальных оснований и практики российской этнополитики с теоретическими постулатами и практикой советского времени [3] до оспаривания подобных отсылок и даже отрицания существования централизованно определяемой и направленной национальной политики СССР [39]. Отметим, что зарубежные авторы склонны к утверждениям об ухудшении положения национальных меньшинств в РФ, даже об их маргинализации, хотя и признают наличие комплекса институтов управления этнолингвистическим разнообразием. Так, Ф. Прина считает, что дискурсы позиционирования подобных институтов (например, национально-культурных автономий), одобренные государством, намеренно размещаются в сфере культуры. С ее точки зрения, институты меньшинств, предпочитающие оставаться в рамках «культурного развития» национальностей, приспособились к политической реальности страны, но их деятельность наполнена политикой, создавая систему, в которой культура и по-

литика в конечном счете сходятся [38]. М. Ларюэль, в свою очередь, размышляя о кажущейся опасности российского этнонационализма, указывает на достаточную гибкость власти, позволяющую ей адаптироваться к обстоятельствам [33].

В отечественных и зарубежных исследованиях заметно артикулирован этнолингвистический компонент: многие авторы видят важной составной частью государственной национальной политики языковую политику как в масштабах всей страны, так и на уровне субъектов РФ [7; 12; 20; 23; 24; 25; 32; 40]. Изучению подвергаются и другие региональные или локальные проявления российской этнополитики, а также опыт отдельных регионов либо их групп в пределах федеральных округов в ракурсе общероссийских событий и инициатив федеральной власти. Подобного рода работы составляют сейчас довольно весомую группу; их авторы оценивают содержание и направленность усилий региональных и местных органов, формы их работы и взаимодействия с общественными объединениями, региональные программно-целевые инструменты, динамику этнодемографической и этнолингвистической ситуации [9; 11; 16; 26; 28; 35; 37]. С точки зрения углубленного изучения собственно исторических аспектов рассматриваемой проблематики особо можно выделить труды А. А. Попова, Н. А. Нестеровой, С. К. Смирновой [18; 21]. Заслуживает упоминания попытка построения программных моделей управления в сфере национальной политики [15]. Также значимы работы, в которых освещаются результаты мониторинга и социологических исследований межэтнических отношений в регионах России [5; 6; 14; 17].

Отдельные группы образуют сборники материалов международных и всероссийских научных и иных мероприятий, а также издания Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России) по обобщению этнополитического опыта

в контексте финно-угорского сотрудничества и передовых практик российских регионов в плоскости межнациональных отношений³.

Резюмируя, выделим основные, по нашему мнению, пробелы в изученности сформулированной тематики. Во-первых, по большей степени это концентрация на опыте отдельных регионов, притом обычно в ограниченные отрезки времени и без увязки с опытом других субъектов РФ, хотя консолидированные усилия в данном направлении становятся гораздо более заметными. Во-вторых, пока явно недостаточно работ историко-политического и политико-правового плана, которые были бы нацелены на предметный анализ трансформации управленческих практик и оценку их эффективности в сфере реализации государственной национальной политики, включая оценку результативности конкретных программ и проектов.

Материалы и методы

Исследование основывается на нормативных и концептуально-программных документах федерального и регионального уровней в сфере государственной национальной политики РФ, материалах, размещенных на официальных сайтах органов государственной власти финно-угорских республик – субъектов РФ, статистической информации, иллюстрирующей динамику этнодемографической ситуации.

Главными методами исследования послужили методы системного, сравнительного и диахронного анализа, неформализованного традиционного анализа документов, формально-юридический метод, метод политической диагностики. Их применение позволило определить сменяющие друг друга на разных этапах подходы финно-угорских республик к реализации государственной национальной политики РФ, ключевые тенденции и закономерности, сопоставить содержательные и структурные характеристики, особенности позитивного и негативного

³ См.: Материалы V Всемирного конгресса финно-угорских народов, 28–30 июня 2008 г., Ханты-Мансийск, Российская Федерация: сб. докл. и док. Ханты-Мансийск; Санкт-Петербург, 2011; Повышение эффективности реализации государственной национальной политики: материалы всерос. семинара-совещания / ФАДН России. Москва, 2017 и др.

опыта каждой из названных республик в изучаемом ракурсе, обобщить нормативные требования и обнаружить существующие уязвимости. В рамках многоуровневого анализа были показаны специфика и корреляция действий федерального центра и уполномоченных госорганов финно-угорских республик – субъектов РФ в сфере реализации государственной национальной политики, выявлены факторы и детерминанты эволюции стратегий их позиционирования.

Хронологические рамки исследования охватывают 2000–2018 гг., когда совокупностью инициатив высшего руководства страны было восстановлено единство политико-правового и коммуникативного пространства федерации и утвердились новые правила политического позиционирования для финно-угорских республик и остальных субъектов РФ.

Результаты исследования и их обсуждение

Предваряя обзор опыта финно-угорских республик – субъектов РФ в регулировании межнациональных отношений, представляется необходимым обозначить особенности национальной структуры населения в них (таблица).

Сложность состава населения всех финно-угорских республик – субъектов РФ по этническому и лингвистическим параметрам обуславливает содержательно-смысловую насыщенность принимаемых в них нормативных и концептуально-программных документов в сфере реализации государственной национальной политики и чувствительность этнокультурного и этнолингвистического измерений. Их своеобразие так или иначе закрепляется в конституционных актах. Например, в Конституции Республики Карелия устанавливается равнозначность наименований «Республика Карелия», «Карелия», «Карьяла» и оговаривается, что исторические и национальные особенности республики определяются проживанием на ее территории каре-

лов (ст. 1), а ее социальную основу составляют взаимное уважение, добровольное и равноправное сотрудничество всех слоев общества, граждан всех национальностей (ст. 5). В преамбуле Конституции Республики Мордовия (РМ) выражается забота о сохранении и самобытном развитии народов, проживающих на ее территории и др.⁴

Одновременно особый политико-правовой статус финно-угорских республик как национально-государственных образований при относительной слабости региональных экономик и различное пространственное расположение, включая удаленность от столицы, взаимоотношения элитных групп были и в определенной степени остаются детерминантами вариативности их подходов и практик. Уменьшение контроля со стороны федерального центра в 1990-е гг. позволило республикам проводить более или менее самостоятельную линию по многим направлениям. В этнонациональной плоскости ее лейтмотивом стала ориентация на возрождение и развитие национальной культуры и языков. Показателен в этом плане, например, опыт Республики Карелия⁵.

Заметим, что изначально важную роль в закреплении подобного вектора играли не только государственные (республиканские), но и неправительственные институты (Национальный конгресс карелов, вепсов и финнов Республики Карелия и др.). Уже тогда одним из главных инструментов реализации национальной политики выступали целевые программы, содержание которых с течением времени существенно обогатилось и подверглось положительной диверсификации.

Серьезные перемены произошли в системах управления национальной политикой на уровне каждого из субъектов и в наполнении исследуемой сферы разнообразными нормативными актами. При этом, несмотря на оформление в целом региональных систем управления национальной политикой, как и федеральной,

⁴ См.: Конституция Республики Карелия (с изм. на 01.07.2019). URL: <http://old.gov.karelia.ru/Constitution/> (дата обращения: 29.07.2019); Конституция Республики Мордовия (с изм. на 25.12.2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/804950314> (дата обращения: 17.07.2019).

⁵ См.: Программа возрождения и развития языков и культуры карелов, финнов и вепсов Республики Карелия (1995–1996 годы): утв. постановлением Председателя Правительства Республики Карелия от 30.01.1995 № 58. URL: <http://docs.cntd.ru/document/919000242> (дата обращения: 17.07.2019).

Table. National composition of the population of the Finno-Ugric republics – subjects of the Russian Federation*

Регион / Region	Национальность / Nationality	Численность лиц, указавших национальность, чел. / Number of people indicating nationality, people	Удельный вес данной категории среди лиц, указавших национальную принадлежность, % / The proportion of this category among persons indicating nationality, %
Республика Карелия / The Republic of Karelia	Русские / Russians	507 654	82,20
	Карелы / Karely	45 570	7,40
	Белорусы / Belarusians	23 345	3,80
	Украинцы / Ukrainians	12 677	2,00
	Финны / Finns	8 577	1,40
	Вепсы / Veps	3 423	0,50
Республика Коми / Komi Republic	Другие / Other	16 422	2,70
	Русские / Russians	555 963	65,10
	Коми / Komi	202 348	23,70
	Коми-ижемцы / Komi-Izhemtsy	5 725	0,70
	Украинцы / Ukrainians	36 082	4,20
	Татары / Tatars	10 779	1,30
	Белорусы / Belarusians	8 859	1,00
Республика Марий Эл / Mari El Republic	Другие / Others	40 272	4,71
	Русские / Russians	313 947	47,04
	Марийцы / Mari	290 863	43,90
	Горные марийцы / Mountain Mari	23 502	3,50
	Лугово-восточные марийцы / Meadow East Mari	200	0,03
	Татары / Tatars	38 357	5,80
	Чуваши / Chuvash	6 025	0,90
	Украинцы / Ukrainians	3 601	0,60
Республика Мордовия / The Republic of Mordovia	Другие / Others	9 537	1,40
	Русские / Russian	443 737	53,40
	Мордва / Mordovians	333 112	40,00
	Мордва-эрзя / Mordovians-Erzya	49 579	6,00
	Мордва-мокша / Mordovians-Moksha	4 178	0,50
	Татары / Tatars	43 392	5,20
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	Другие / Others	11 361	1,40
	Русские / Russians	912 539	62,20
	Удмурты / Udmurts	410 584	28,00
	Татары / Tatars	98 831	6,70
	Украинцы / Ukrainians	8 332	0,60
	Марийцы / Mari	8 067	0,60
	Другие / Others	28 270	1,90

* Источник: Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 18.07.2019).

Source: Information materials on the final results of the all-Russian population census of 2010. Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (accessed 18.07.2019).

они продемонстрировали свой динамизм, что относится и к атрибутивным признакам (например, названиям органов), и к функционально-ролевым (содержанию и объему компетенции, предназначению и т. п.). Их реорганизация сопрягалась с общими административными реформами в стране и

вытекала из требований политической целесообразности (смены глав регионов, наличия опыта сепаратистских устремлений и др.) [4, 132–133]. Оговоримся, что объем и задачи настоящего исследования не предполагают предметного анализа процесса институционализации в данной плоско-

сти, однако корреляция соответствующих модификаций с изменением и коррекцией управленческих подходов и практик не вызывает сомнений.

Проявилась и увязка общефедеральных и региональных новаций и инициатив, несмотря на обнаружившееся в постсоветский период стремление субъектов РФ к автономности управленческих решений. Так, в достаточно короткий срок в финно-угорских республиках были приняты документы, согласовывавшиеся с Концепцией государственной национальной политики РФ (1996 г.), повлиявшие в некоторой степени на их законодательство в части регулирования отдельных вопросов межнациональных отношений. Их совершенствование также стало коррелироваться с осознанием необходимости содействия развитию русского языка и русской культуры, разработкой и внедрением соответствующих программ. Вместе с тем встречаются критические оценки результатов начавшегося процесса по гармонизации законодательства субъектов РФ – в ракурсе прав коренных народов. В частности, речь идет о судьбе Вепсской национальной волости, утратившей в начале 2000-х гг. статус административно-территориального образования⁶. Хотя стоит отметить, что именно в тот период федеральная власть стала уделять повышенное внимание защите прав коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и других регионов России. Специфика постсоветских условий побуждала допускать разные варианты сценарирования: позитивный – «культурный» (развитие языков и культуры в рамках национальной автономии) и негативный – «политиче-

ский» (выдвижение политических требований со стороны национально-радикальных движений и организаций). Согласимся с мнением, что стабилизация политической и национальной ситуации гарантировала благоприятное решение проблем этнокультурного развития [37]. В целом с начала 2000-х гг. практики финно-угорских республик – субъектов РФ в сфере реализации государственной национальной политики, как и в других сферах, обрели большую упорядоченность и большую степень институционализации. Проанализируем их ключевые компоненты, выделив два этапа: 1999/2000–2012 и 2012–2018 гг. «Водоразделом» между ними служит принятие Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года⁷.

В Республике Карелия первый указанный временной отрезок оказался довольно плодотворным. Так, была усилена государственная поддержка языков коренных народов⁸, расширены документальная база, инструментарий и спектр мероприятий. Были дополнительно акцентированы проекты и мероприятия для молодежи, сохранение и развитие этнокультурных, семейных, духовно-нравственных ценностей, формирование у подрастающего поколения этнической идентичности, гармонизация межнациональных отношений. Обосновывалась преемственность новых инициатив (например, Республиканской программы «Финно-угорская школа Республики Карелия» на 2000–2002 гг.) по отношению к прежним программам, подчеркивалась их направленность на национальное развитие всех народов Карелии⁹.

⁶ См.: Стрोगальщикова З. И. Вепсы. URL: <http://kmm-lo.ru/veps> (дата обращения: 17.07.2019).

⁷ См.: Об обеспечении межнационального согласия: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 602. URL: <https://base.garant.ru/70170940/> (дата обращения: 18.07.2019); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации...

⁸ См.: О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия: Закон Республики Карелия от 19.03.2004 № 759-ЗПК (с изм. на 07.06.2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/919316706> (дата обращения: 18.07.2019); Республиканская целевая программа «Государственная поддержка карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия на 2006–2010 годы»: утв. постановлением Законодательного Собрания Республики Карелия от 16.06.2005 № 1814-III ЗС (ред. от 22.02.2008 № 796-IV ЗС). URL: <http://docs.cntd.ru/document/919320894> (дата обращения: 18.07.2019).

⁹ См.: Мероприятия по национальному развитию и межнациональному сотрудничеству народов, проживающих в Республике Карелия, на 2002–2005 годы: утв. постановлением Правительства Республики Карелия от 12.09.2001 № 191-II. URL: <http://old.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/mer05.html> (дата обращения: 18.07.2019); О реализации государственной национальной политики на территории Республики Карелия: Распоряжение Правительства Республики Карелия от 27.02.2010 № 57р-II. URL: <http://docs.cntd.ru/document/919501680> (дата обращения: 18.07.2019) и др.

Еще более заметной стала увязка в этом ракурсе различных сфер государственной политики – национальной, молодежной, языковой, культурной, образовательной, а также с общим развитием республики. Во многом содержание действующих в рамках данного отрезка программ было ориентировано на Концепцию социально-экономического развития Республики Карелия на период 1999–2002–2010 годов и Концепцию развития культуры в Республике Карелия до 2008 года. Активизировалось взаимодействие органов и ведомств, ответственных за реализацию государственной национальной политики. Собственно, такой тренд проявился еще в конце 1990-х гг., когда формулировки официальных целей обогатились новыми выражениями. Проникает в эту сферу и термин «эффективность», повышению которой должны были способствовать в том числе межрегиональные и международные контакты¹⁰.

Приоритетом в течение данного этапа по понятным причинам оставалась этнокультурная сфера¹¹. Однако осознание необходимости системности действий и мер воплотилось в итоге в утверждении важнейшего на тот момент с точки зрения комплексного подхода инструмента с акцентом на программно-целевом методе – Региональной целевой программы (РЦП), известной под названием «Карелия – территория согласия». Примечательно одно из положений данного документа: «...не оправдывает себя политика ситуативного и “лоскутного” решения проблем формирования межнациональных отношений,

адекватности содействия межконфессиональным отношениям, разовой государственной поддержки национальных и религиозных общественных объединений, профилактики этнокультурного дискомфорта, этнокультурных конфликтов и этноэкстремизма». Здесь, в частности, намечались формирование региональной стратегии этнополитического, этносоциального и этнокультурного развития, усиление этнополитической, этносоциальной и этнокультурной и информационной коммуникативности республики. С позиции совершенствования управленческой практики заслуживают отдельного упоминания задачи 1.1–1.3, предполагающие в том числе развитие научно-исследовательских технологий. Отметим, что наряду с более широкой по содержанию целью 1 и целью 3, направленной на поддержку общественно значимых религиозных и национальных общественных объединений, в программе ставилась цель 2 – сохранение карелов и вепсов как уникальных самобытных этносов мирового сообщества¹².

Содержание второго этапа (2012–2018 гг.) характеризовалось продолжением усилий республиканских властей по воплощению в жизнь ранее сформулированных приоритетов национальной политики, разработкой и внедрением мер по реализации на территории Карелии положений названных выше указов Президента РФ. Новым ключевым концептуальным документом регионального уровня в этом контексте можно признать Стратегию национальной политики в Республике Карелия на период

¹⁰ См.: О республиканской целевой программе «Развитие сферы культуры в Республике Карелия на период до 2010 года»: постановление Правительства Республики Карелия от 29.11.1999 № 153-П (утратило силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/919301135> (дата обращения: 18.07.2019).

¹¹ См.: Республиканская программа «Финно-угорская школа Республики Карелия» на 2000–2002 годы: утв. постановлением Правительства Республики Карелия от 27.12.1999 № 175-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/919301164> (дата обращения: 18.07.2019); Республиканская целевая программа «Этнокультурное образование в Республике Карелия на 2003–2005 годы»: одобрена постановлением Правительства Республики Карелия от 30.07.2002 № 88-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/919312142> (дата обращения: 18.07.2019); Республиканская целевая программа «Государственная поддержка карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия на 2006–2010 годы»: утв. постановлением Законодательного Собрания Республики Карелия от 16.06.2005 № 1814-III ЗС (с изм. на 22.02.2008). URL: <http://docs.cntd.ru/document/919320894> (дата обращения: 18.07.2019) и др.

¹² См.: Региональная целевая программа «Гармонизация национальных и конфессиональных отношений, формирование гражданского согласия в Республике Карелия на 2007–2011 годы» («Карелия – территория согласия»): одобрена распоряжением Правительства Республики Карелия от 25.01.2007 № 22р-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/919323425> (дата обращения: 18.07.2019).

до 2025 года¹³. Данный документ по содержанию и структуре схож со Стратегией РФ. В нем также перечисляются достижения и специфические черты в сфере межнациональных отношений, влияющие на их состояние и достижение приоритетных целей и задач. Из особенностей обращают на себя внимание определение Карелии как многонационального субъекта РФ при значительном доминировании русских; указание на присутствие в общественном сознании «некоторой мигрантофобии», неприязни к нескольким национальным группам. В работе на перспективу наряду с традиционными направлениями выделяется сохранение культурного наследия Русского Севера.

На этом этапе основным инструментом реализации государственной национальной политики согласно федеральным установлениям в сфере стратегического планирования начинают выступать государственные программы, причем с пролонгированным сроком действия. Также новые республиканские документы сопрягаются между собой, вписываясь в видение дальнейшего развития республики на основе многолетнего опыта взаимодействия и взаимного обогащения различных культур и этносов¹⁴.

В действующей базовой программе¹⁵ в сфере реализации государственной национальной политики артикулируются вопросы этносоциального и этнокультурного развития территорий традиционного проживания коренных народов, что вновь по-

казывает преэминентность расстановки акцентов. С другой стороны, в русле наметившейся новой тенденции в предметное поле документа интегрируются и этнолокальные группы коренного русского населения – заонежане, пудожане и поморы. Подчеркивается, что сформированная цель полностью соответствует целям федерального уровня¹⁶.

Достижение приоритетов, определенных программно-концептуальными документами Республики Карелия, обеспечивается комплексом разнообразных мероприятий, многие из которых приобрели постоянный характер (краеведческая конференция «Лонинские чтения», этнокультурный лагерь «Встреча юных на карельской земле» и др.), акций («Мы разные, но мы равные» и др.), проектов («Маршрут дружбы по районам Карелии» и др.) встреч-бесед и уроков-встреч («Карелия – наш общий дом», «Карелия – территория согласия» и др.) и т. д. Поддерживается участие представителей республики в международных и межрегиональных мероприятиях финно-угорского сотрудничества [10]¹⁷.

Республику Коми (РК) с Карелией сближает несколько обстоятельств, накладывающих отпечаток на ее практику в сфере реализации государственной национальной политики. В первую очередь это расположение в Арктической зоне (что позволяет относить некоторые народы, проживающие в республике, к категории КМНС), территориальная удаленность от

¹³ См.: Стратегия национальной политики в Республике Карелия на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Республики Карелия от 13.11.2015 № 699р-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465404691> (дата обращения: 18.07.2019). Данная Стратегия заменила прежний документ, см.: Основные направления реализации государственной политики в сфере национального развития, межнациональных отношений и взаимодействия с религиозными объединениями на территории Республики Карелия до 2020 года: утв. распоряжением Главы Республики Карелия от 31.12.2007 № 1000-р (утратил силу). URL: <https://base.garant.ru/23189639/> (дата обращения: 18.07.2019).

¹⁴ См.: Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Республики Карелия от 29.12.2018 № 899р-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465420565> (дата обращения: 18.07.2019).

¹⁵ См.: Государственная программа Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов»: утв. постановлением Правительства Республики Карелия от 24.01.2018 года № 22-П (в ред. от 28.06.2019). URL: http://old.gov.karelia.ru/gov/Legislation/docs/2019/06/268-p_1.docx (дата обращения: 18.07.2019).

¹⁶ См.: Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 29.03.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ (дата обращения: 18.07.2019).

¹⁷ См. об этом также: Информация о деятельности органов государственной власти Республики Карелия по взаимодействию с этнокультурными объединениями и средствами массовой информации. URL: <http://dmee.ru/docs/100/index-34269.html> (дата обращения: 18.07.2019).

столичного центра, особое внимание к этнолингвистической ситуации. Об этом свидетельствует содержание соответствующего регионального закона, в котором государственными языками республики провозглашаются *коми и русский языки* (именно в такой последовательности), при этом гарантируется сохранение и развитие языка коми народа и других народов, проживающих в республике, а русский язык признается основным средством межнационального общения¹⁸. Заметим, что подобный закон в Коми появился одним из первых: по выражению Ф. Х. Соколовой, на «волне всплеска этничности и стремления регионов к максимальной суверенизации». Вследствие слабости нормативно-правового регулирования языковой политики на федеральном уровне в конце XX – начале XXI в. деятельность в данном направлении осуществлялась на основе местной инициативы и собственного видения проблемы, породивших в том числе негативные последствия в виде автономизации регионального (национально-регионального) компонента, понижения уровня его связи с русским языком и культурой и т. п. [23, 39–42]. Примечательна в этом контексте формулировка цели Государственной программы по реализации Закона РК 1992 г.: «...создание необходимых условий для дальнейшего развития родного языка коми народа, яв-

ляющегося основой государственности Республики Коми»¹⁹. Вместе с тем еще в первой части программы предполагалось создание условий для равноправного функционирования государственных коми и русского языков и намечалась разработка второй ее части – «Сохранение и развитие русского языка», каковая также была принята, но гораздо позже запланированного срока²⁰. В Концепции государственной национальной политики Республики Коми отмечалось, что два крупнейших этноса республики – коми и русский – формируют основу ее современного этнополитического облика и что феномен многонационального состава населения заключает в себе мощный созидательный потенциал. Документ был ориентирован на сохранение языков всех национальностей в республике, создание условий для развития национальных школ и т. п.²¹

В рамках этапа 2000–2012 гг. этноязыковой и этнокультурный (образовательный) компоненты составляют основное содержание мероприятий по реализации государственной национальной политики в Республике Коми посредством ряда республиканских программ²² в соответствии с федеральными и республиканскими законодательными актами. Акцентируется реализация гражданами права на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке

¹⁸ См.: О государственных языках Республики Коми: Закон Республики Коми от 28.05.1992 (в ред. от 20.06.2016). URL: <http://docs.cntd.ru/document/951605071> (дата обращения: 19.07.2019).

¹⁹ См.: Государственная программа реализации Закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» – «Сохранение и развитие коми языка на 1997–1999 годы»: утв. указом Главы Республики Коми от 02.09.1996 № 235 (утратила силу). URL: <http://komi.regnews.org/doc/cr/pp.htm> (дата обращения: 19.07.2019).

²⁰ См.: I часть Государственной программы реализации Закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» – «Сохранение и развитие коми языка» (с приложением): утв. постановлением Президиума Верховного Совета Республики Коми от 18.01.1994 года № 62-3. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446144121> (дата обращения: 19.07.2019); II часть Государственной программы реализации Закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» – «Сохранение и развитие русского языка»: утв. постановлением Государственного Совета Республики Коми от 17.01.1996 № 1-5/18. URL: <http://komi.regnews.org/doc/cr/45.htm> (дата обращения: 19.07.2019).

²¹ См.: Концепция государственной национальной политики Республики Коми: утв. постановлением Государственного Совета Республики Коми от 10.10.1996 г. № 1-7/27 (в ред. от 05.06.2003) (утратила силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/473210512> (дата обращения: 19.07.2019).

²² См.: Долгосрочная республиканская целевая программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми (2010–2012 годы)»: утв. постановлением Правительства Республики Коми от 14.09.2009 № 258 (в ред. от 13.01.2012). URL: <http://docs.cntd.ru/document/473204432> (дата обращения: 19.07.2019); Программа реализации Закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» на 2000–2005 годы: утв. указом Главы Республики Коми от 17.12.1999 г. № 493. URL: http://komi.news-city.info/docs/sistemso/dok_perexi/index.htm (дата обращения: 19.07.2019); Целевая республиканская программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми» на 2005–2009 годы: утв. Законом Республики Коми от 14.05.2005 № 46-ПЗ (утратил силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/802030930> (дата обращения: 19.07.2019).

из числа языков народов РФ, а также права на изучение родного языка из числа языков народов РФ²³. Налицо существенное совпадение с трансформацией векторов языковой и образовательной политики Карелии в плане обеспечения условий сохранения и развития также русского языка (и развития русской этнокультурной школы как основы сохранения и развития языков и культур коми и русского народов). Постепенно усиливаются информационно-коммуникационный компонент с акцентом на взаимодействии республиканских и муниципальных учреждений культуры, образования, науки, общественных организаций, средств массовой информации и осознание опасности унификации культур вследствие ускоряющейся глобализации. В числе ожидаемых результатов в документах этого этапа появляются более широкие по содержанию – формирование толерантного поведения населения республики и профилактика национального экстремизма; позитивное развитие этнополитической ситуации.

Следующий этап (2012–2018 гг.) увязывается с закреплением приоритетов, целей, принципов, задач и основных направлений национальной политики в Республике Коми в соответствии с новыми федеральными установлениями: «политика поддержки многообразия культур сохранялась, но приоритеты национальной политики были смещены в сторону укрепления единства многонационального народа и государства на принципах демократии и общегражданской солидарности» [22, 54–67]. Целевая направленность главного документа республиканского уровня в этой сфере – укрепление государственного единства и целостности РФ, формирование общероссийской гражданской иден-

тичности многонационального по своему составу населения Республики Коми, развитие национальных языков и культур ее народов²⁴. Примечательны формулировки задач в сфере государственной языковой политики, показывающие определенные коррективы. Этнокультурное наследие продолжает восприниматься как одна из необходимых скреп единства и развития, но выражается опасение по поводу его частичной утраты. Неслучайно уделяется повышенное внимание запланированным мероприятиям (проекты «Диалог на равных», «Гордость народа – родной язык» и др.). Озабоченность высказывается и по поводу ограничения применения государственного коми языка преимущественно в гуманитарной сфере, отсутствия его широкого распространения в общественно-политическом пространстве²⁵. С другой стороны, есть мнение, что коми язык и культура активно используются в брендинге территории региона [20, 37].

В более обширном поле межнациональных отношений базовым инструментом реализации государственной национальной политики на уровне региона является программа, адаптированная к более поздним республиканским документам²⁶. Поставленные здесь задачи, на наш взгляд, отвечают потребностям укрепления единства российской нации и этнокультурного развития народов России с учетом специфики региона и интересов проживающих здесь коренных малочисленных народов и существенно дополняют республиканскую Стратегию 2015 г., в которой имеются, по некоторым оценкам, серьезные пробелы [16, 141–142]. Отметим, что, в новой Стратегии социально-экономического развития республики гармонично развивающиеся межнацио-

²³ См.: Об образовании: Закон Республики Коми от 06.10.2006 № 92-ПЗ (в ред. от 25.12.2018). URL: <http://docs.cntd.ru/document/802077259> (дата обращения: 19.07.2019).

²⁴ См.: Стратегия национальной политики в Республике Коми на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Республики Коми от 15 апреля 2015 г. № 133-р (с изм. на 22.03.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/428523894> (дата обращения: 19.07.2019).

²⁵ См.: Региональная программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми (2019–2024 годы)»: утв. постановлением Правительства Республики Коми от 17.08.2018 г № 365 (приложение). URL: <https://law.rkomi.ru/files/67/26733.pdf> (дата обращения: 19.07.2019).

²⁶ См.: Региональная программа Республики Коми по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Коми – территория межнационального мира и согласия» (2014–2020 годы): утв. постановлением Правительства Республики Коми от 19.12.2013 № 514 (приложение) (в ред. от 26.07.2019). URL: <http://minnats.rkomi.ru/content/4298/П%20348.pdf> (дата обращения: 28.07.2019).

нальные отношения усматриваются в числе ее конкурентных преимуществ²⁷.

В Республике Марий Эл (РМЭ) необходимые законодательные и концептуальные основы подхода к регулированию межнациональных отношений были заложены также в 1990-е гг. Стоит подчеркнуть, что изначально соответствующая проблематика в республике была вписана в достаточно широкий контекст. Подтверждением тому служит, например, Закон РМЭ «О культуре»²⁸. Им, в частности, закреплялось равное достоинство культур народов всех национальностей РМЭ, их прав и свобод в области культуры (ст. 6). Закон включает целый раздел «Права и свободы народов и иных этнических общностей в области культуры (раздел III), где говорится в том числе о поддержке в РМЭ национальных центров культуры, обществ и землячеств (ст. 21), государственной поддержке малочисленных этнических общностей на территории республики (ст. 22), моральной, организационной и материальной поддержке культурно-национальных организаций народа мари за пределами РМЭ (ст. 23). В Законе «О языках в Республике Марий Эл» утверждается неотъемлемое право граждан любой национальности на развитие их родного языка и культуры²⁹. Статус государственных языков закрепляется за *марийским (горным и луговым) и русским языками* (ст. 1). Предусматривается активное содействие РМЭ изучению марийского языка за пределами республики и установлению более тесных языковых контактов и связей с финно-угорскими народами, проживающими как в РФ, так и за ее ру-

бежами (ст. 3). Национально-региональный компонент в обучении и воспитании был важной составной частью Государственной программы развития РМЭ на 1995–2000 годы³⁰.

Практическое воплощение закрепленных основ в 2000–2012 гг. осуществлялось несколькими республиканскими программами в сфере этнокультурных и межнациональных отношений³¹, гармонизация которых рассматривалась в контексте развития региона. В них акцентировались определенные задачи в области национальной политики. Характерными становятся понятия общегосударственной гражданской идентичности и самосознания, государственного патриотизма. Значительно сместился фокус актуализируемой проблематики – к приоритетности внутренней политики многонационального федеративного государства и национальной безопасности. Одновременно сохранилась концентрация на языковом вопросе. Для решения этого и других вопросов предназначались разнообразные проекты и мероприятия (информационно-просветительские, научно-исследовательские и др. – «Культурный плюрализм», «Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл» и т. д.).

На этапе 2012–2018 гг. проявились сходные с другими республиками тенденции, интегрированные в общероссийский контекст. Любопытно, однако, что в РМЭ соответствующий документ, призванный обеспечить реализацию Стратегии государственной национальной политики РФ, был назван иначе, чем в Карелии и Коми³².

²⁷ См.: Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года: утв. постановлением Правительства Республики Коми от 11.04.2019 г. № 185 (приложение № 1). URL: <http://docs.cntd.ru/document/553237768> (дата обращения: 19.07.2019).

²⁸ См.: О культуре: Закон Республики Марий Эл от 31.05.1994 № 85-III (с изм. на 27.02.2018). URL: <http://docs.cntd.ru/document/804919163> (дата обращения: 20.07.2019).

²⁹ См.: О языках в Республике Марий Эл: Закон Республики Марий Эл от 26.10.1995 г. № 290-III (с изм. на 10.03.2011). URL: <http://docs.cntd.ru/document/804919247> (дата обращения: 20.07.2019).

³⁰ См.: Республика Марий Эл. Этнодемографическая ситуация в канун предстоящей переписи. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_respublika6.html (дата обращения: 20.07.2019).

³¹ См.: Республиканская целевая программа «Развитие этнокультурных и межнациональных отношений в Республике Марий Эл (2004–2008 годы): утв. Законом Республики Марий Эл от 09.03.2004 № 12-3 (с изм. и доп. на 28.04.2007). URL: <http://docs.cntd.ru/document/802009120> (дата обращения: 20.07.2019); Республиканская целевая программа «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл (2009–2013 годы)»: утв. постановлением Правительства Республики Марий Эл от 24.03.2008 № 68 (утратило силу) (в ред. от 27.12.2013). URL: <http://docs.cntd.ru/document/819053430> (дата обращения: 20.08.2019) и др.

³² См.: Концепция государственной национальной политики Республики Марий Эл от 08.09.2015 г.: утв. Указом Главы Республики Марий Эл от 08.05.2015 № 113 (в ред. от 15.07.2019). URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_9868433 (дата обращения: 20.07.2019).

От предшествующей Концепции 1997 г. он отличается проявившимися в рамках предыдущего этапа акцентами: Концепция 2015 г. разработана в целях «...укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности народов Российской Федерации, проживающих в Республике Марий Эл», ее реализация «...призвана стать мобилизующим фактором, способствующим укреплению единства народов Российской Федерации, проживающих в Республике Марий Эл» (курсив наш. – И. Б., О. Б.). Одновременно в перечне вопросов государственной национальной политики Республики Марий Эл (сохранена такая формулировка. – И. Б., О. Б.) замечен довольно объемный этнокультурный марийский компонент – вопросы возрождения, сохранения, развития и приумножения этнокультурного достояния всего марийского народа. Наблюдается иная расстановка (последовательность) государственных языков РМЭ: *русский и марийский (горный, луговой)*. Подчеркивается, что общие «для всей современной России вопросы этнокультурного развития русского народа являются неотъемлемой составной частью государственной национальной политики Республики Марий Эл». Заметим, что характеристики состояния межнациональных (межэтнических) отношений в РМЭ коррелируются с оценками на основе социологических исследований (стабильность, мирное взаимодействие, межкультурная толерантность и др.) [35].

Главными инструментами реализации национальной политики РМЭ также признаются разнообразные программы, в том числе муниципальные. Основная на текущий момент – Государственная программа «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы»³³. Она включает две подпрограммы – «Этнокультурное развитие,

межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл», «Поддержка и развитие средств массовой информации и книгоиздания». Формулировка целей сходна с формулировками, закрепленными в Концепции 2015 г., задачи же более адаптированы к специфике республики (создание условий для реализации проектов в области марийского языка, проектов и мероприятий по сохранению и популяризации народных календарно-обрядовых обычаев, традиций, юбилеев и праздников и др.). Этнокультурные цели (сохранение и развитие многонационального культурного наследия; поддержка развития уникальной культуры народов Российской Федерации, проживающих в Республике Марий Эл, и др.) намечены и в некоторых других программах³⁴.

В Республике Мордовия в реализации национальной политики имеются как схожие, так и отличные от опыта рассмотренных ранее республик черты. Так, в РМ государственными языками провозглашаются *русский и мордовский (мокшанский и эрзянский) языки* (именно в указанной последовательности) (ст. 3), недопустимость пропаганды вражды и пренебрежения к любому языку, дискриминации по языковому признаку (ст. 4). В Законе РМ «О государственных языках Республики Мордовия» имеется глава 6, в которой предусматривается содействие сохранению, развитию и изучению мордовского (мокшанского и эрзянского) языка и национально-культурному развитию мордвы, проживающей за пределами республики (ст. 25)³⁵. Нормативные акты РМ в области культуры не содержат явно выраженного этнического компонента. Это касается как прежнего закона в этой области – «О государственной поддержке культуры» (где речь шла, в частности, о реализации республиканских целевых программ сохранения и развития культу-

³³ См.: Государственная программа «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы: утв. постановлением Правительства Республики Марий Эл от 08.10.2012 г. № 387 (в ред. от 17.04.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/423845803> (дата обращения: 20.07.2019).

³⁴ См.: Государственная программа Республики Марий Эл «Культура Марий Эл на 2013–2025 годы»: утв. постановлением Правительства Республики Марий Эл от 16.11.2012 № 427 (в ред. от 31.05.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/424051951> (дата обращения: 20.07.2019) и др.

³⁵ См.: О государственных языках Республики Мордовия: Закон Республики Мордовия от 06.05.1998 № 19-З (с изм. от 05.03.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/804950557> (дата обращения: 21.07.2019).

ры народа, проживающего на территории Республики Мордовия), так и действующего сейчас – «О культуре в Республике Мордовия»³⁶. Тем не менее законодательно закреплена направленность на сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов и народных ремесел, основанных на коллективном опыте предыдущих поколений как части самобытной региональной культуры и важного элемента национального наследия³⁷.

На этапе 2000–2012 гг. во многом задачи гармонизации межэтнических отношений (повышение толерантности, укрепление единства и дружбы народов РМ и др.) решались в ходе реализации республиканских целевых программ патриотического воспитания (на 2002–2005 и 2007–2010 годы)³⁸. Подчеркнем, что в этих документах выражались осознание значимости фактора многонационального состава РМ и связанного с ним многообразия национально-этнических культур для общественного прогресса. Соответствующий план действий намечал разработку и проведение мероприятий, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального сотрудничества, общегражданской идентичности, межнациональных отношений и содействие этнокультурному развитию народов, проживаю-

щих на территории РМ и за ее пределами и др. Они затрагивали плоскость взаимодействия органов государственной власти РМ и местного самоуправления в РМ, общественных и религиозных объединений РМ, научно-исследовательской деятельности, проведения этнографических, этносоциальных и этнополитических исследований, содействия этнокультурному развитию народов РМ, развития информационного пространства, содействующего формированию культуры межнациональных отношений, профилактики и противодействия этническому экстремизму и др.³⁹

Этап 2012–2018 гг. оказался более насыщенный с точки зрения выработки и внедрения в республиканскую практику программных инструментов реализации государственной национальной политики, охвативших разные сферы. Ее целевые ориентиры на территории РМ, сопрягавшиеся со Стратегией РФ 2012 года⁴⁰, конкретизировались и детализировались в ряде республиканских целевых программ. Проявился акцент на задаче повышения привлекательности РМ как центра финно-угорской культуры, образования, науки и этнотуризма⁴¹. Отмечаются определенные успехи в области этнокультурного образования⁴². Закрепилась практика проведения многоплановых мероприятий (например, республиканских национально-

³⁶ См.: О государственной поддержке сферы культуры: Закон Республики Мордовия от 12.11.2001 № 44-3 (в ред. от 24.11.2010) (утратил силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/804951295> (дата обращения: 21.07.2019); О культуре в Республике Мордовия: Закон Республики Мордовия от 02.02.2016 № 2-3. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432866087> (дата обращения: 21.07.2019).

³⁷ См.: О народных художественных промыслах и народных ремеслах в Республике Мордовия: Закон Республики Мордовия от 14.06.2000 № 28-3 (с изм. на 08.12.2003). URL: <http://docs.cntd.ru/document/804950859> (дата обращения: 21.07.2019).

³⁸ См.: Республиканская целевая программа «Патриотическое воспитание граждан, проживающих на территории Республики Мордовия, на 2007–2010 годы»: утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 02.02.2007 № 32 (в ред. от 09.11.2009) (утратила силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/438852168> (дата обращения: 21.07.2019) и др.

³⁹ См.: Комплексный план действий по гармонизации межэтнических отношений в Республике Мордовия на 2011–2013 годы: утв. распоряжением Правительства Республики Мордовия от 23.05.2011 № 325-Р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/438850198> (дата обращения: 21.07.2019).

⁴⁰ См.: План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах в Республике Мордовия Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Республики Мордовия от 28.10.2013 № 654-Р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430623165> (дата обращения: 21.07.2019).

⁴¹ См.: Республиканская целевая программа «Культура Мордовии» на 2011–2016 годы: утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 27.06.2011 г. № 227 (утратило силу) (в ред. от 06.09.2013). URL: <http://docs.cntd.ru/document/906301442> (дата обращения: 21.07.2019).

⁴² См.: Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2013–2021 годы: утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 08.10.2012 г. № 363 (с изм. на 24.06.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/424071537> (дата обращения: 21.07.2019).

фольклорных праздников «Акша келу», «Раськень озкс», «Велень озкс», конкурса «Зеркало нации» на лучшее освещение в СМИ пропаганды культурного многообразия, этнокультурных ценностей, толерантных отношений). Показательны сами их названия: лагерь финно-угорской молодежи «Созидание», Всероссийский форум мордовской молодежи «Все мы – Россия», комплексная этнографическая экспедиция «Единение», выставка «Мордовия многонациональная» и др., отражающие смысловые характеристики заявленных приоритетов в сфере государственной национальной политики РФ.

Одновременно в республиканских документах, как и в российских, помимо положительных изменений и тенденций, выявляются негативные, в том числе рост национализма, ксенофобии, усиление миграционных процессов⁴³. Неслучайно в основной действующей на данный момент в Мордовии республиканской целевой программе выделяются 2 подпрограммы – «Укрепление гражданского единства и гармонизация этноконфессиональных отношений в Республике Мордовия», «Реализация комплексной информационной кампании и создание информационных ресурсов, направленных на укрепление гражданского патриотизма и общероссийской гражданской идентичности»⁴⁴. В числе ожидаемых результатов ее реализации – повышение уровня этнокультурной компетентности государственных и муниципальных служащих; решение имиджевых задач позиционирования Мордовии как крупного культурного центра гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений; содействие интеграции этнических диаспор, формирующихся в рамках миграционных

процессов, в местное региональное общество. Констатируется сохранение в республике благоприятного климата межнациональных и межконфессиональных отношений, признается необходимость проведения обоснованной и взвешенной этнокультурной и национальной политики, отвечающей интересам всех жителей республики, пропаганды общероссийской идентичности среди населения Мордовии. Подобная констатация согласуется с оценками специалистов, ссылающихся на данные мониторинга состояния межэтнических и межконфессиональных отношений и фокус-групповые исследования, позволившие, например, говорить об иерархии коллективных идентичностей с общероссийским национально-гражданским самосознанием во главе [6, 135–136; 14, 60]. Следует подчеркнуть, что действующая республиканская целевая программа основана на концептуальном системном подходе по противодействию возможным проявлениям террористического и экстремистского характера, отличаясь комплексно-межотраслевым и социально ориентированным характером, учетом не только внутриреспубликанской ситуации, но и «вызовов общероссийского контекста общественных отношений».

В *Удмуртской Республике* (УР) можно видеть несколько больший акцент на этнолингвистической ситуации, но в общих чертах ее опыт сопоставим с опытом РМ. Государственными языками здесь провозглашаются *русский и удмуртский языки*, при этом удмуртский язык признается основой национальной культуры удмуртского народа, а русский язык – основным средством межнационального общения народов Удмуртской Республи-

⁴³ См.: Государственная программа Республики Мордовия «Развитие культуры и туризма» (2014–2024): утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 23.12.2013 № 579 (с изм. на 28.02.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/460226488> (дата обращения: 21.07.2019); Республиканская целевая программа «Патриотическое воспитание граждан, проживающих на территории Республики Мордовия» на 2012–2015 годы: утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 26.12.2011 (в ред. от 24.02.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/428516032> (дата обращения: 21.07.2019).

⁴⁴ См.: Государственная программа «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014–2024 годы: утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 18.11.2013 № 507 (в ред. от 25.02.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/424029654> (дата обращения: 21.07.2019).

ки. Одновременно гарантируются многоязычие, свобода выбора и использования языка (ст. 3)⁴⁵.

Как и во многих других национальных регионах, специфическая фактура языковых и межэтнических отношений, по словам Е. А. Тороховой, вкпе с историко-культурными традициями обуславливает более пристальное внимание к удмуртскому языку. В постсоветский период предпочтение отдавалось дифференцированному подходу к разработке мер по защите языков (в частности, в Государственной Программе УР по сохранению и развитию языков от 14 июня 1994 г.). В последующих документах усматривается большая сбалансированность, и языковая политика в УР направлена на расширение общественных функций удмуртского языка как второго государственного языка, сохранение родных языков этнических диаспор и вместе с тем поддержание престижа русского языка [25, 152–153, 157]. Однако в некоторых оценках наблюдается значительный скепсис относительно перспектив огосударствления удмуртского языка и реального равноправия обоих государственных языков [13, 173].

Сближает с Республикой Мордовия Удмуртию тесная корреляция с ценностями единства и целостности России. Она прослеживалась еще в Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики 1997 г.⁴⁶, несмотря на свойственные тому периоду апелляции к удмуртской государственности и праву удмуртской нации и народа Удмуртии на самоопределение. В документе содержались компромиссные, на наш взгляд, выражения «возрастающая самостоятельность Удмуртской Республики и необходимость упрочения общероссийской государственности», «совершенствование государственности Удмуртии на основе демократических принципов федерализма, обеспечивающих необходимое

сочетание самостоятельности республики и целостности Российского государства» и т. п., обусловленные спецификой этнополитической ситуации в республике. При этом особо подчеркивалось, что «полиэтничность общества – это поле развития и созидательной деятельности всех народов многонациональной Удмуртии и что национальный вопрос не должен становиться предметом политической конъюнктуры и спекуляций в борьбе за власть». Примечательно, что в концепции отмечалась зависимость дальнейшего упрочения межнациональных отношений и перспективы сотрудничества народов УР от самочувствия, позиции и исторической ответственности русского народа, от своевременного разрешения его проблем и учета им интересов удмуртского и других народов, что предвосхищало тенденцию второго выделяемого нами этапа. При определении сути подхода УР к реализации государственной национальной политики важны имеющиеся в данном документе ссылки на необходимость опоры на учет общественного мнения, научный анализ и прогноз, оценку последствий принимаемых решений, всеобъемлющий, стратегический характер национальной политики, единство позиций всех органов государственной власти и местного самоуправления республики, различных политических и общественных движений.

Этнокультурный компонент был весьма заметным в содержании республиканских программ обоих этапов. Показательными в этом смысле были РЦП и другие документы в сфере продвижения этноязыковой политики, ориентированные в том числе на формирование и развитие этнокультурной и общероссийской идентичности средствами образования. Приоритетами национальной образовательной политики объявлялись удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов РФ в сопряже-

⁴⁵ См.: О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики: Закон Удмуртской Республики от 06.12.2001 № 60-ПЗ (с изм. на 10.04.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/960005009> (дата обращения: 22.07.2019).

⁴⁶ См.: Концепция Государственной национальной политики Удмуртской Республики: приложение к постановлению Государственного Совета Удмуртской Республики от 06.02.1998 № 584-1. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW053;n=3054;dst=100008#001428704628939248> (дата обращения: 22.07.2019).

нии с сохранением единства федерального культурного, образовательного и духовного пространства, обеспечение внутренней устойчивости этнически разнородного общества, его сплочения в согражданство⁴⁷. С 2015 г. в республике актуализировался вопрос о необходимости Концепции развития этнокультурного образования [11].

Этап 2012–2018 гг. в Удмуртии, как и в других республиках, характеризовался принятием концептуально-программных документов, соответствующих духу и сути Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и последующих федеральных актов и решений в этой сфере и во многом продолжающих обозначившиеся линии в республиканской практике⁴⁸. Этнический фактор в них увязывается с успешной модернизацией государства и общества. Сохраняется приверженность комплексному подходу к решению задач государственной национальной политики Российской Федерации на территории Удмуртской Республики с учетом ее межотраслевого характера. Предусматривается поддержка удмуртов, проживающих за пределами республики, и их национально-культурных объединений в сохранении и развитии родного языка, образования, культурных и национальных традиций. Закрепляется государственная поддержка этнокультурного и языкового многообразия УР, этнокультурного развития народов РФ, проживающих на территории республики, проявляется особое внимание к устойчивому экономическому, социальному и культурному развитию коренного малочисленного народа РФ – бесермян. Приоритеты реализации государственной национальной политики конкретизируют-

ся в задачах и мероприятиях (Межрегиональный форум муниципальных образований «Мир в диалоге», республиканская молодежная этнографическая игра «Этноэксперт», республиканская гражданско-патриотическая акция «Во славу Отечества», культурно-просветительские мероприятия «Удмуртия мультикультурная», межрегиональный фольклорный этнофестиваль национальной бесермянской культуры, республиканский фестиваль-конкурс удмуртской культуры «Даургур» и др.) в рамках программы, рассчитанной на 2013–2024 гг.⁴⁹ Показательно, что на первое место в ней ставятся задачи содействия формированию и развитию общероссийского гражданского патриотизма и солидарности и сведения к минимуму условий для проявлений терроризма и экстремизма на территории республики. Разумеется, учитываются региональные этнонациональный и этнокультурный компоненты: предусматриваются, например, развитие системы повышения этнокультурной компетентности государственных и муниципальных служащих; укрепление статуса удмуртского языка как одного из государственных языков УР, формирование необходимых общественно-государственных, социально-культурных гарантий его функционирования и др.

Итак, трансформация практик всех финно-угорских республик в сфере реализации национальной политики была постепенной и достаточно последовательной, преимущественно коррелировалась с выдвижением инициатив федерального центра и в целом – устранением перекосов в системе федеративных отношений, образовавшихся в 1990-е гг. В этнополитической плоскости ни одна из

⁴⁷ См.: Концепция национальной образовательной политики Удмуртской Республики: утв. приказом Министерства образования и науки Удмуртской Республики от 21.08.2007 № 892. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428629828> (дата обращения: 22.07.2019); Республиканская целевая программа по реализации Закона Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» на 2005–2009 годы: утв. постановлением Государственного Совета Удмуртской Республики от 30.11.2004 № 377-III (утратила силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/428632485> (дата обращения: 22.07.2019).

⁴⁸ См.: Стратегия реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории Удмуртской Республики: утв. Указом Главы Удмуртской Республики от 19.01.2016 г. № 9 (в ред. от 29.05.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/432870334> (дата обращения: 22.07.2019) и др.

⁴⁹ См.: Государственная программа Удмуртской Республики «Этносоциальное развитие и гармонизация межэтнических отношений»: утв. постановлением Правительства Удмуртской Республики от 19.08.2013 № 37219 (с изм. на 29.03.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/463802263> (дата обращения: 22.07.2019).

финно-угорских республик не вызвала чрезмерной озабоченности федерального центра; их линии в значительной степени совпадали с приоритетами, обозначенными в ключевых федеральных документах, начиная с Концепции национальной политики РФ 1996 г. Вместе с тем и в постсоветский период, и уже в современности наблюдались и отчасти сохраняются в большинстве своем объективные проявления «особости», обусловленные многонациональностью регионов и некоторыми иными параметрами.

Заключение

Суть эволюции подходов и практик в сфере реализации государственной национальной политики финно-угорскими республиками – субъектами РФ к настоящему времени видится в замещении сложившихся в постсоветский период умеренно-автономистских течений, основанных на локальных этнокультурных ценностях, патриотически-державническим трендом, питаемым восстановлением единства и целостности пространства федерации и базирующимся на концепции российской нации, в которой совмещаются идеи общегражданской и этнокультурной идентичностей. Проведенный анализ убеждает, по крайней мере, в формальном доминировании соответствующих паттернов в опыте всех рассмотренных регионов. Представляется уместным употребить именно это выражение, поскольку утвердившаяся повторяемость и последовательность региональных действий в определенном направлении не может и не должна абсолютизироваться. Несмотря на обнаруженные общие черты, каждая из республик обладает также уникальным набором характеристик, в том числе этнополитического и этнокультурного плана, которые побуждают акцентировать динамичность и вероятность неких шаблонных моделей и учитывать комплекс факторов при выработке управленческих решений.

Высказанное соображение подводит к мысли, что любое обобщение опыта финно-угорских республик в анализируемом ракурсе путем моделирования может быть лишь условным и относительным.

В нашем случае можно отталкиваться от специфики позиционирования республики в системе федеративных отношений и следования федеральным требованиям. Сложившиеся политические обстоятельства и существенная зависимость от федеральных вливаний обуславливают утверждение «лоялистски-центристской» модели, на крайних полюсах которой размещаются Республика Мордовия (наименее склонная к проявлениям этноцентризма) и Республика Марий Эл (содержание официальных документов которой вроде бы убеждает в принятии общероссийских ориентиров, однако в ней единственной, опять же официально, употребляется выражение «государственная национальная политика Республики Марий Эл», что противоречит не только показанному тренду, но и конституционным предписаниям). Также можно говорить о сохранении отдельных моментов, подчеркивающих государственность республики, в практике Удмуртии. В Карелии и Коми в силу большей сложности этнодемографической и геополитической ситуации привлекает внимание артикуляция этнокультурного компонента, но не в ущерб императивам общегражданской идентичности и межнационального согласия. В целом, опыт всех финно-угорских республик в рассматриваемой сфере можно оценить как конструктивный, способствующий продвижению позитивных образов в общественном сознании и управленческих практиках.

При этом неслучайно в действующих концептуально-программных документах федерального и регионального уровней детерминанты этнонациональных рисков усматриваются также во внешней плоскости, включая негативные последствия миграции. Меняющаяся структура миграционных потоков и в результате – населения во многих субъектах РФ актуализирует важность интеграционной составляющей национальной политики, к тому же в неблагоприятной практически для всех финно-угорских республик этнодемографической ситуации, особенно для Карелии, единственной из них занимающей приграничное положение. С другой стороны,

внешнее измерение предполагает не только явные и скрытые источники рисков и угроз, но и дополнительные перспективы этнокультурного и этносоциального развития народов, проживающих на территориях финно-угорских республик, в первую очередь благодаря связям с родственными народами и дружественными России государствами. Указанный момент регионами, безусловно, принимается в расчет и активно озвучивается во многих программах, проектах, инициативах и др., вписываемых в контекст совместных мер по реализации государственной национальной политики. В этом смысле необходимо дополнительно исследовать направления и результаты координации сотрудничества посредством разнообразных форумов и площадок, функционирующих на внутригосударственном и международном уровнях (Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации, Всемирный конгресс финно-угорских народов и некоторые другие).

С технологической точки зрения реализация государственной национальной политики сейчас во многом увязывается с программно-целевым методом и комплексным подходом. При всех их преимуществах, особенно в сложном государстве и многонациональных регионах, не сле-

дует забывать и о потенциальных уязвимостях и опасностях. Прежде всего речь идет о программно-целевом методе, на котором базируются все республиканские программы этносоциального и этнокультурного развития. Во-первых, часто целевые индикаторы и планируемые результаты сводятся к формальным показателям (доля граждан, охваченных мероприятиями и др.), притом степень достижения которых не всегда можно оценить верно и полно – не только из-за их специфики, но и из-за отсутствия необходимой информации. Во-вторых, абсолютное большинство российских регионов, включая финно-угорские республики, относится к реципиентам федеральных субсидий и далеко не всегда располагает достаточными средствами для практического своевременного осуществления принятых программ, намеченных мероприятий и т. п. В более благоприятном положении в этом плане находится Республика Коми. На наш взгляд, остается насущным внедрение в управленческие практики подлинного партнерства государственных и муниципальных органов и негосударственных институтов, что также декларируется в региональных документах, при должном научно-методическом и информационно-пропагандистском обеспечении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдулатипов Р. Г., Михайлов В. А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Этносоциум, 2016. 102 с.
2. Аствацатурова М. А., Воронцов С. А., Зорин В. Ю., Понеделков А. В. Доктринальные принципы и эмпирические ресурсы современной этнополитики в Российской Федерации (региональный аспект) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. № 3. С. 156–169. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35209304> (дата обращения: 17.07.2019).
3. Ачкасов В. А. «Национальная революция» большевиков и «национальная политика» современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11, № 1. С. 3–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34913582> (дата обращения: 17.07.2019).
4. Бахлов И. В., Бахлова О. В. Правовая политика РФ в области нациестроительства: направления и результаты деятельности парламентских комитетов // Сравнительный федерализм. Ежегодник-2018: сб. науч. тр. / под ред. А. Д. Гулякова, А. Ю. Саломатина, А. В. Малько. Пенза, 2018. С. 125–133.
5. Богатова О. А., Карьгин А. И. Мониторинг межэтнических отношений в регионе // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2011. № 4. С. 266–277. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17721832> (дата обращения: 17.07.2019).
6. Долгаева Е. И. Факторы общероссийской национально-гражданской идентичности в интерпретации жителей по-

- лиэтнического региона // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 123–140. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32734925> (дата обращения: 17.07.2019).
7. Дьяконова М. В. Современный статус и перспективы ревитализации финно-угорских языков в Республике Карелия // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 3. С. 156–167. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27239576> (дата обращения: 17.07.2019).
 8. Зорин В. Ю. Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник Российской нации. 2019. № 2. С. 9–33. URL: <http://rosnation.ru/wp-content/uploads/2019/07/BPH-2019-№-2-полнотекст.pdf> (дата обращения: 27.07.2019).
 9. Изергина Н. И. Гармонизация межнациональных и этноконфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Мордовия) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16, № 3. С. 322–326. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27258574> (дата обращения: 17.07.2019).
 10. Иноземцева В. А. Национальная политика Республики Карелия по этнокультурному развитию коренных народов // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР/России: сб. докл. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. И. Кулагин. Петрозаводск, 2018. С. 114–120.
 11. Касимов Р. Н. О важности развития системного этнокультурного образования в Удмуртской Республике // Восточно-европейский научный вестник. 2018. № 2. С. 9–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35185930> (дата обращения: 17.07.2019).
 12. Кондратьева Н. В., Степанова О. А. Формирование общественно-политической лексики удмуртского языка как отражение процессов языкового строительства // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 2. С. 26–36. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2018/2/26-36.pdf> (дата обращения: 17.07.2019).
 13. Корепанова Т. Л. Использование удмуртского языка при опубликовании законов и иных нормативных правовых актов органов государственной власти Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2015. Т. 25, вып. 1. С. 170–173.
 14. Лубяной М. С., Морозова Н. М. Межэтнические отношения как элемент социального развития // Вестник Института социологии. 2014. № 1. С. 56–75. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2014_8/Lubyanoi.pdf (дата обращения: 17.07.2019).
 15. Маклашова Е. Г. Управленческие акценты региональных программ по реализации национальной политики (на примере Дальнего Востока) // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 4. С. 512–533. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30742940> (дата обращения: 17.07.2019).
 16. Минчук О. В. Этнонациональная политика Республики Коми: нормативное и инфраструктурное обеспечение // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 137–147. URL: https://narfu.ru/upload/iblock/aff/10_minchuk.pdf (дата обращения: 17.07.2019).
 17. Полутин С. В., Шумкова Н. В., Чушкин А. М. Этноконфессиональная ситуация в Республике Мордовия: социологический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 134–147. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35605154> (дата обращения: 17.07.2019).
 18. Попов А. А., Нестерова Н. А. Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2000. 180 с.
 19. Похожаев В. И. Государственная национальная политика в современных условиях, ее содержание и особенности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9, № 6. С. 850–855. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38525834> (дата обращения: 27.07.2019).
 20. Савтенко Е. В. Коми язык в образовательном и общественном пространстве Республики Коми // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 33–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27534341> (дата обращения: 17.07.2019).
 21. Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.; Ижевск: Удмуртия, 2002. 560 с.
 22. Соколова Ф. Х. Эволюция национальной политики России в конце XX–XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 54–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27496314> (дата обращения: 17.07.2019).
 23. Соколова Ф. Х. Языковая политика арктических регионов РФ в конце XX – начале XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2017.

- № 6. С. 37–50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30764400> (дата обращения: 17.07.2019).
24. Тишков В. А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 127–144. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37536271> (дата обращения: 27.07.2019).
 25. Торохова Е. А. О языковой политике в Удмуртской Республике // *Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2012. № 2. С. 152–158. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17831526> (дата обращения: 17.07.2019).
 26. Фомичев Н. П. Никульченков Е. И. Реализация государственной национальной политики в Республике Карелия на современном этапе // *Управленческое консультирование*. 2005. № 3. С. 212–216. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12798688> (дата обращения: 17.07.2019).
 27. Цыпанов Е. А. Опыт периодизации национально-языковой политики в Республике Коми (от начала XX в. до наших дней) // *Финно-угорский мир*. 2017. № 1. С. 17–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29076463> (дата обращения: 17.07.2019).
 28. Шабаяев Ю. П., Садохин А. П. Локальные проблемы реализации государственной национальной политики Российской Федерации // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2014. Т. 10, № 1. С. 5–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24151307> (дата обращения: 17.07.2019).
 29. *Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы* / [под общ. ред. Н. К. Харламповой]. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.
 30. Bowring B. Minority Language Rights in the Russian Federation: The End of a Long Tradition? // *The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities* / ed. by G. Hogan-Brun and B. O'Rurk. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 73–99.
 31. Chebankova E. Implications of Putin's regional and demographic policies on the evolution of inter-ethnic relations in Russia // *Perspectives on European Politics and Society*. 2007. Vol. 8, issue 4. P. 439–459. DOI: <https://doi.org/10.1080/15705850701640801>
 32. Chevalier J. F. Language Policy in Russia: Nation, Nationalism, and Language // *Language Planning in the Post-Communist Era: The Struggles for Language Control in the New Order in Eastern Europe, Eurasia and China* / ed. by E. Andrews. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 93–118.
 33. Laruelle M. Is Nationalism a Force for Change in Russia? // *Daedalus*. 2017. Vol. 146, issue 2. P. 89–100. DOI: https://doi.org/10.1162/DAED_a_00437
 34. *Managing Ethnic Diversity in Russia* / ed. O. Protsyk and B. Harzl. London: Routledge, 2013. 296 p.
 35. Morova N. S., Lezhnina L. V., Biryukova N. A., Domracheva S. A., Makarova O. A. Diversity and Tolerance in a Multi-Ethnic Region of Mari El Republic, Russia // *Review of European Studies*. 2015. Vol. 7, issue 8. P. 171–182. DOI: <https://doi.org/10.5539/res.v7n8p171>
 36. Parekh Bh. *Ethnocentric Political Theory*. London: Palgrave Macmillan, 2019. 290 p.
 37. Pekina A. Ethnocultural Situation in the Republic of Karelia (1980–1990s) // *Ethnographica Hungarica*. 2005. Vol. 50, issue 1. P. 219–225. DOI: <https://doi.org/10.1556/AEthn.50.2005.1-3.13>
 38. Prina F. National in Form, Putinist in Content: Minority Institutions 'Outside Politics' // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70, issue 8. P. 1236–1263. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1465892>
 39. Smith J. Was There a Soviet Nationality Policy // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71, issue 6. P. 972–993. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139047746>
 40. Toulouze E., Vallikivi L. Les langues dans un miroir déformant: Que reflète le recensement russe de 2010 en matière de langues finno-ougriennes? // *Etudes finno-ougriennes*. 2016. Vol. 47. P. 7–43. DOI: <https://doi.org/10.4000/efo.4906>

Поступила 19.08.2019, опубликована 16.12.2019

IMPLEMENTATION OF THE STATE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FINNO-UGRIC REPUBLICS, THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: EVOLUTION OF APPROACHES AND PRACTICES (2000–2018)

Igor V. Bakhlov,

Doctor of Political Sciences, Head of the Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bakhlov@mail.ru

Olga V. Bakhlova,

Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bakhlova@gmail.com

Introduction. The special sensitivity of the ethno-national sphere to fluctuations in politics, increased vulnerability to destructive influence, negative historical experience of politicization of ethnicity elevate it to one of the priorities of the work of Federal and regional state bodies. The object of this study is the state national policy of the Russian Federation, the subject is the process and instruments of its implementation in the Finno-Ugric Republics in the Russian Federation, taking into account the state and dynamics of the system of Federal relations. The main tasks are to identify the stages of the evolution of approaches and management practices; to characterize the content and guidelines of official documents; to determine the essence and direction of changes in the considered perspective.

Materials and Methods. The study is based on the normative and conceptual-program documents of the Federal and regional levels in state national policy of the Russian Federation, materials posted on the official websites of the state authorities of the Finno-Ugric Republics that are the subjects of the Russian Federation. The main research methods are system, comparative and diachronic analysis, non-formalized traditional analysis of documents and the method of political diagnostics.

Results and Discussion. The study of a set of documentary and theoretical sources allowed us to trace the dynamics of approaches and practices of the Finno-Ugric Republics in the implementation of the state national policy of the Russian Federation. Attention was focused on two stages: the periods of 2000-2012 and 2012-2018, with a historical retrospection into the post-Soviet period. It shows the experience and correlation of initiatives and actions of Federal and regional level; compares research feedbacks; reveals key trends in modification of programs and target tools.

Conclusion. The experience of the Finno-Ugric Republics in the Russian Federation demonstrates a significant coincidence with the all-Russian trend of the Patriotic-state approach, with certain nuances arising from the specifics of the ethnodemographic situation, the resource potential of regions and political elites and, to a lesser extent from their location.

Keywords: state national policy of inter-ethnic (inter-ethnic) relationship; special purpose tools; the subject of the Russian Federation; Finno-Ugric Republic; ethnocultural development; ethnic and social development.

Acknowledgement: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research and the Autonomous Non-Profit Organization EISI, project No. 19-011-31009 "Professional expertise in state national and regional policy and improvement of mechanisms for assessing the effectiveness of territorial management".

For citation: Bakhlov IV, Bakhlova OV. Implementation of the state national policy of the Russian Federation in the Finno-Ugric Republics, the subjects of the Russian Federation: evolution of approaches and practices (2000–2018). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 11; 3: 301–324. (In Russian)

REFERENCES

1. Abdulatipov RG, Mihajlov VA. Russia in the XXI century: a national answer to the national question. Moskva; 2016. (In Russian)
2. Astvacaturova MA, Voroncov SA, Zorin VYu, Ponedelkov AV. Doctrinal principles and empirical resources of modern Ethnopolitics in the Russian Federation (regional aspect). *Voprosy nacionalnyh i federativnyh otnoshenij* = Issues of national and Federal relations. 2018; 3: 156–169. Available from: <https://elibrary.ru/>

- item.asp?id=35209304 (accessed 17.07.2019). (In Russian)
3. Achkasov VA. The “National Revolution” of the Bolsheviks and the “National Policy” of modern Russia. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ser.: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia* = Bulletin of St. Petersburg University. Series: Political Science. International relations. 2018; 11 (1): 266–277. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34913582> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 4. Bakhlov IV, Bakhlova OV. Legal policy of the Russian Federation in the field of nation-building: directions and results of activity of parliamentary committees. *Sravnitelnyi federalizm. Ezhegodnik-2018: sb. nauch. tr.* = Comparative federalism. Yearbook 2018. Collection of proceedings. Penza; 2018: 123–133. (In Russian)
 5. Bogatova OA, Kargin AI. Monitoring of Interethnic Relations in the Region. *REGIONOLOGIJA REGIONOLOGY* = Russian Journal of Regional Studies. 2011; 4: 266–277. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17721832> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 6. Dolgaeva EI. Interpretation of the Factors of the all-Russian National and Civil Identity by the Inhabitants of a Multiethnic Region. *REGIONOLOGIJA REGIONOLOGY* = Russian Journal of Regional Studies. 2018; 26 (1): 123–140. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32734925> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 7. Dyakonova MV. Current status and prospects of revitalization of Finno-Ugric languages in the Republic of Karelia. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2016; 3: 156–167. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27239576> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 8. Zorin VYu. The Russian ethnopolitics at the present stage: traditions and innovations. *Vestnik Rossiiskoi natsii* = Bulletin of the Russian nation. 2019; 2: 9–33. Available from: <http://rosnation.ru/wp-content/uploads/2019/07/BPH-2019-№-2-полнотекст.pdf> (accessed 27.07.2019). (In Russian)
 9. Izergina NI. Harmonising Interethnic and Interfaith Relations in Constituent Entities of the Russian Federation (on the Example of Mordovia Republic). *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Ser.: Sociologiya. Politologiya* = News of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2016; 16 (3): 322–326. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27258574> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 10. Inozemtseva VA. National policy of the Republic of Karelia on ethnocultural development of indigenous peoples. *Kareliia – pri-granichnyi region Rossii v XX–XXI vekakh: formirovanie i stanovlenie karelskoi gosudarstvennosti v sostave SSSR/ Rossii: sb. dokl. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Karelia – the border region of Russia in the XX–XXI centuries: formation and formation of Karelian statehood in the USSR/Russia. Proceedings of International Conference, Petrozavodsk; 2018: 114–120. (In Russian)
 11. Kasimov RN. About importance of development of system ethnocultural education in the Udmurt Republic. *Vostochno-evropeiskii nauchnyi vestnik* = Eastern European scientific journal. 2018; 2: 9–14. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35185930> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 12. Kondrateva NV, Stepanova OA. Formation of the social and political vocabulary in the Udmurt language as a reflection of language construction. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 10 (2): 26–36. Available from: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2018/2/26-36.pdf> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 13. Korepanova TL. The use of the Udmurt language with the publication of laws and other normative legal acts of bodies of state power of the Udmurt Republic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo* = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and law. 2015; 25; 1: 170–173.
 14. Lubyany MS, Morozova NM. Interethnic Relations an Element of Social Development. *Vestnik Instituta sociologii* = Bulletin of the Institute of sociology. 2014; 1: 56–75. Available from: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2014_8/Lubyanoi.pdf (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 15. Maklashova EG. Administrative Emphases of Regional Programs on Implementation of the Ethnic Policy (the Case Study of the Far East). *REGIONOLOGIJA REGIONOLOGY* = Russian Journal of Regional Studies. 2017; 25 (4): 512–533. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30742940> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 16. Minchuk OV. Ethnonational policy of the Komi Republic: normative and infrastructural support. *Arktika i Sever* = Arctic and North. 2016; 25: 137–147. Available from: https://narfu.ru/upload/iblock/aff/10_minchuk.pdf (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 17. Polutin SV, Shumkova NV, Chushkin AM. The ethnic religious situation in the Republic of Mordovia: a sociological aspect. *Izvestiia vysshih uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* = News of higher educational institutions. Volga region. Social science. 2018; 1: 134–147. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35605154> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 18. Popov AA, Nesterova NA. The national question in the Komi Republic at the end of the XX century (historical research). Syktyvkar; 2000. (In Russian)
 19. Pokhozhaev VI. State national policy in modern conditions, its content and features. *Voprosy nacional'nykh i federativnykh otnoshenii* =

- Issues of national and Federal relations. 2019; 9 (6): 850–855. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38525834> (accessed 27.07.2019). (In Russian)
20. Savtenko EV. Komi languages in the educational and public space Komi Republic. *Kulturnoe nasledie Rossii* = Cultural heritage of Russia. 2016; 3: 33–38. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27534341> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 21. Smirnova SK. The Phenomenon of the Udmurt Republic. Ethnopolitical development in the context of post-Soviet transformations. Moskva; Izhevsk; 2002. (In Russian)
 22. Sokolova FK. The evolution of the Russian national policy in the late 20th. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i socialnye nauki* = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences. 2016; 6: 54–67. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27496314> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 23. Sokolova FK. Language policy of the Arctic regions of Russia in the late 20th and early 21st centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i socialnye nauki* = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences. 2017; 6: 37–50. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30764400> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 24. Tishkov VA. Language Situation and Language Policy in Russia (Revising Categories and Practices). *Polis. Politicheskie issledovaniia* = Polis. Policy studies. 2019; 3: 127–144. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37536271> (accessed 27.07.2019). (In Russian)
 25. Torokhova EA. The language policy in the Udmurt Republic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology. 2012; 2: 152–158. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17831526> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 26. Fomichev NP, Nikulchenkov EI. Implementation of the state national policy in the Republic of Karelia at the present stage. *Upravlencheskoe konsultirovanie* = Management consultation. 2005; 3: 212–216. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12798688> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 27. Tsypanov EA. Periodization experience of the national language policy in Komi Republic (from the beginning of the 20th century to the present day). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017; 1: 17–23. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29076463> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 28. Shabaev YuP, Sadokhin AP. Local Problems of State National Policy of the Russian Federation. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* = Political expertise: POLITEKS. 2014; 10 (1): 5–30. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24151307> (accessed 17.07.2019). (In Russian)
 29. Ethno-national processes in the Arctic: trends, problems and prospects. Arkhangelsk; 2017. (In Russian)
 30. Bowring B. Minority Language Rights in the Russian Federation: The End of a Long Tradition? *The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities*. London; 2018: 73–99. (In English)
 31. Chebankova E. Implications of Putin’s regional and demographic policies on the evolution of inter-ethnic relations in Russia. *Perspectives on European Politics and Society*. 2007; 8 (4): 439–459. DOI: <https://doi.org/10.1080/15705850701640801> (In English)
 32. Chevalier JF. Language Policy in Russia: Nation, Nationalism, and Language. *Language Planning in the Post-Communist Era: The Struggles for Language Control in the New Order in Eastern Europe, Eurasia and China*. London; 2018: 93–118. (In English)
 33. Laruelle M. Is Nationalism a Force for Change in Russia? *Daedalus*. 2017; 146 (2): 89–100. DOI: https://doi.org/10.1162/DAED_a_00437 (In English)
 34. Managing Ethnic Diversity in Russia. London; 2013. (In English)
 35. Morova NS, Lezhnina LV, Biryukova NA, Domracheva SA, Makarova OA. Diversity and Tolerance in a Multi-Ethnic Region of Mari El Republic, Russia. *Review of European Studies*. 2015; 7 (8): 171–182. DOI: <https://doi.org/10.5539/res.v7n8p171> (In English)
 36. Parekh Bh. Ethnocentric Political Theory. London; 2019. (In English)
 37. Pekina A. Ethnocultural Situation in the Republic of Karelia (1980–1990s). *Ethnographica Hungarica*. 2005; 50 (1): 219–225. DOI: <https://doi.org/10.1556/AEthn.50.2005.1-3.13> (In English)
 38. Prina F. National in Form, Putinist in Content: Minority Institutions ‘Outside Politics’. *Europe-Asia Studies*. 2018; 70 (8): 1236–1263. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1465892> (In English)
 39. Smith J. Was There a Soviet Nationality Policy. *Europe-Asia Studies*. 2019; 71 (6): 972–993. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139047746> (In English)
 40. Toulouze E, Vallikivi L. Les langues dans un miroir déformant: Que reflète le recensement russe de 2010 en matière de langues finno-ougriennes? *Etudes finno-ougriennes*. 2016; 47: 7–43. DOI: <https://doi.org/10.4000/efo.4906> (In French)

Submitted 19.08.2019, published 16.12.2019